

Новая книга — старые идеи

(Рецензия на книгу: Ужанков А. Н.
«Слово о полку Игореве» и его автор.
М.: Согласие, 2020)

Книга А. Н. Ужанкова «Слово о полку Игореве и его автор» (М.: Согласие, 2020. 488 с.) представляет собой развитие идей исследователя, высказанных ранее в отдельных статьях и в монографии 2015 года,¹ на которую автор неоднократно ссылается в новой книге.² Раздел «Слово о полку Игореве», включающий подготовленный А. Н. Ужанковым древнерусский текст «Слова», его перевод и комментарий к нему, также был ранее опубликован в монографии 2015 г. (этот раздел несколько доработан в новой книге). В Примечаниях А. Н. Ужанков пространно отвечает А. М. Ранчину, автору рецензии на его книгу 2015 г.,³ не всегда придерживаясь академического стиля полемики.⁴ Поскольку автор настаивает в новом издании на высказанных ранее тезисах, проанализируем основные положения его гипотезы.

Главная идея А. Н. Ужанкова состоит в том, что «Слово о полку Игореве» является глубоко религиозным произведе-

---

¹ Ужанков А. Н. «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М.: Академика, 2015. 509 с. Статьи из раздела «“Слово о полку Игореве”. Комплексное исследование» этой монографии (с. 231–362) включены в новой книге в раздел «Разыскания об авторе “Слова о полку Игореве”».

² См. примеч. 1, 12, 16, 17, 28, 34, 49, 51, 56, 68, 120, 124, 126, 127, 141, 145, 146, 147, 191, 224, 236, 357, 423, 436, 445, 498, 504, 507.

³ Ранчин А. М. О новой книге А. Н. Ужанкова и о проблемах изучения «Слова о полку Игореве» // Литературный факт. 2017. № 4. С. 358–376.

⁴ См. примеч. 68 (это примечание занимает три страницы: 429–431), 108, 174, 319, 340, 346, 351, 367, 446, 448, 507.

нием. Идея эта не нова. Она принадлежит итальянскому ученому Риккардо Пиккио, статья которого «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси» была опубликована на русском языке в 1996 г.⁵ Р. Пиккио предложил рассматривать «Слово» не как светский памятник, а как текст, в котором присутствует религиозный лейтмотив, как религиозную назидательную историю о возгордившемся и наказанном за это князе, автор которой в качестве системообразующего элемента использовал библейский мотив. Р. Пиккио рассматривал два летописных рассказа о походе Игоря Святославича на половцев (в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях) и «Слово о полку Игореве» как единый текст, «сводя воедино сведения отдельных текстов».⁶ В результате этого объединения вся христианская дидактика, присутствующая в летописных повестях о походе Игоря, оказывается относящейся и к «Слову о полку Игореве», что, на мой взгляд, абсолютно недопустимо, поскольку летописные повествования о походе князя Игоря на половцев в 1185 г. и «Слово» — это три разных произведения, написанные разными авторами с разных политических и дидактических позиций, в разных поэтических системах.⁷

Этот же метод объединения трех произведений в единую художественную систему использует вслед за Р. Пиккио и А. Н. Ужанков. Цитируя в новой книге мою статью, в которой я не согласилась с предложенным Р. Пиккио методом (она была указана в рецензии А. М. Ранчина), А. Н. Ужанков пишет: «Справедливости ради, скажу в защиту Риккардо Пиккио, что благодаря “контаминации сведений из различных произведений тематического цикла” ему и удалось выявить *основной* (с его точки зрения, с моей точки зрения он будет другим) и *единый* для всех трех произведений библейский тематический ключ — “ожесточенное сердце” главного героя. Для итальянского ученого было важным показать, что “Слово” не выбивается из дидактически-религиозного контекста летописных повестей о походе Игоря Святославича» (с. 464, примеч. 358).⁸ Но как можно делать выводы об изучаемом про-

⁵ Пиккио Р. «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ). СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. 50. С. 430–443.

⁶ Там же. С. 439.

⁷ Критике гипотезы и метода исследования Р. Пиккио посвящена моя статья 2006 г., см.: Соколова Л. В. Политическое и дидактическое осмысление событий 1185 г. в летописях и в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 57. С. 91–102.

⁸ Здесь и далее при цитировании рецензируемой книги А. Н. Ужанкова страницы указываются в тексте, в скобках. Курсив в приведенных цитатах из книги мой.

изведении на основании того, что сказано в других произведениях? Повторю сказанное мной в статье 2006 г.: «При таком подходе сознательно игнорируется различие, а нередко и противостояние конкретных текстов, они теряют своеобразие, самоценность и превращаются лишь в материал для построения исследователем своей гипотезы».⁹

А. Н. Ужанков, следуя некорректной, с моей точки зрения, методике Р. Пиккио, навязывает тексту «Слова» то, чего в нем нет. Свидетельством этого служит, в частности, тот факт, что покаяние Игоря, о котором сообщается в киевской летописной повести о походе Игоря, приписывается А. Н. Ужанковым Игорю Святославичу как герою «Слова о полку Игореве». Между тем еще автор рецензии на его первую книгу о «Слове» (2015 г.) А. М. Ранчин отметил: «Сюжетный мотив покаяния Игоря, которому придает такое значение А. Н. Ужанков, в тексте “Слова” отсутствует. Чтобы обнаружить его присутствие, автор книги прибегает к более чем странной для профессионального филолога процедуре: он как бы “дописывает” текст “Слова”, вчитывает в него этот мотив. Оказывается, “бегство Игоря Святославича <...> из половецкого плена в 1185 г. обусловлено заступничеством Божиим после его раскаяния” (с. 104). Основным аргументом становится соображение, что “в Древней Руси спасение Игоря из плена не могло рассматриваться не как результат помощи Бога” (с. 309)».¹⁰ Надо сказать, что в «Слове о полку Игореве» действительно есть мотив Божией помощи Игорю при бегстве из половецкого плена (Бог Игорю «путь кажет» водными столпами-смерчами из земли Половецкой в землю Русскую), но эта помощь оказывается Богом не в результате «раскаяния» Игоря, а в ответ на плач-мольбу Ярославны.¹¹

Вслед за Р. Пиккио А. Н. Ужанков видит в «Слове» прямые отсылки к тексту Священного Писания, особо обращаясь к Книге пророка Иеремии (см. с. 327–338): «гениальный автор» «через экзегезы (скрытые цитаты)¹² из книги пророка Иеремии, входящей в Библию, <...> просле-

⁹ Соколова Л. В. Политическое и дидактическое осмысление событий 1185 г. в летописях и в «Слове о полку Игореве». С. 93–94.

¹⁰ Ранчин А. М. О новой книге А. Н. Ужанкова и о проблемах изучения «Слова о полку Игореве». С. 360.

¹¹ Разные точки зрения на связь бегства Игоря с плачем-мольбой Ярославны рассмотрены в статье: Соколова Л. В. Фольклорные традиции и их интерпретация в Плаче Ярославны // Текст и традиция: альманах. СПб.: Росток, 2020. Т. 8. С. 7–34.

¹² Термин А. Н. Ужанкова «экзегезы (скрытые цитаты)» (см. далее также «скрытые экзегезы») вызывает большое сомнение в правильности его использования. Значение слова «экзегеза» — истолкование (как правило, библейского текста), от др.-греч. ἐξήγησις ‘толкование’, букв. ‘выведение’

живает реальную и духовную связь разновременных событий» (с. 330). «В ветхозаветных и новозаветных событиях древнерусский книжник — Автор «Слова» — увидел эпифаническую связь и провел параллель в развитии разновременных событий, а потому и попытался через скрытые экзегезы из книги пророка Иеремии прояснить их духовный смысл» (с. 331).

По мнению А. Н. Ужанкова, судьба Игоря напоминает судьбу израильского царя Седекии (описанную в Книге пророка Иеремии), который «в 586 г. до рождения Христа *отправился в завоевательный поход в Египет* и попал, как и Игорь Святославич, в плен» (с. 330). А на с. 332 исследователь задается вопросом: «В чем причина разорения Израиля *египетским царем* (почему тогда не фараоном? — Л. С.) Навуходоносором, пленения и переселения иудейского царя Седекиа (так!) в Вавилон в 586 г. до Р. Х.?» Исследователь плохо знает историю царя Седекии, с которым сопоставляет судьбу Игоря Святославича, как и то, царем какого государства был Навуходоносор. В действительности Седекиа ни в какой завоевательный поход не отправлялся. Он поднял мятеж против поставившего его царем Иудеи *вавилонского* царя Навуходоносора, *в надежде на помощь Египта*. В результате этого Иерусалим был взят Навуходоносором (Иер. 39: 2), а Седекиа был ослеплен и в оковах отведен в Вавилон (Иер. 39: 4—7).

Исходя из того, что Книга пророка Иеремии (главы 1—25, 46—51) была переведена на церковнославянский язык в 1490-е гг. при составлении полного библейского кодекса, известного как Геннадиевская Библия (полный список — ГИМ, Синодальное собр., № 915, датируется 1499 г.), А. Н. Ужанков вынужден уточнять, что автор «Слова» пользовался древнегреческим текстом Книги пророка Иеремии в составе Септуагинты. Но в таком случае кто в конце XII века мог оценить ученость автора и понять содержащиеся в его произведении аллюзии при отсутствии перевода на церковнославянский язык этой библейской книги и, следовательно, ее недоступности?¹³ Ведь сам А. Н. Ужанков определяет место написания «Слова» как Киевский Выдубицкий монастырь, исходя, в частности, из того, что именно там *могла храниться* Библия на греческом языке. Неслучайно В. Н. Перетц, выявляя библеизмы в «Сло-

(смысла из текста). Такое значение слова *экзегеза* приводится и в одной из недавних работ библеиста А. С. Десницкого «Введение в библейскую экзегетику» (М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. С. 23).

¹³ Главы с 26-й по 45-ю Книги пророка Иеремии были переведены на церковнославянский язык в составе «Толковых пророчеств» 1047 г. (благодарю Варвару Андреевну Ромодановскую за указание на это). Но А. Н. Ужанков ссылается на главы, переведенные на церковнославянский язык в 1490-е гг. в составе Геннадиевской Библии (главы 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 12, 15, 29, 46, 50).

ве», обращался только к тем книгам Священного Писания, переводы которых на церковнославянский язык были осуществлены к XII в. По его наблюдению, более заметны точки соприкосновения «Слова» с Псалтирью, Паремийником и Апокалипсисом; «это и понятно: книги поэтического содержания со своим всем складом речи более врезывались в память читавших и слушавших».¹⁴

Но дело даже не в том, читал ли автор «Слова» Книгу пророка Иеремии на греческом или славянском языке,¹⁵ — главное, на мой взгляд, состоит в том, что говорить об отсылках в «Слове о полку Игореве» к Книге пророка Иеремии, тем более о «скрытых цитатах» из нее, — это явная натяжка.¹⁶ Например, А. Н. Ужанков и Р. Пиккио приводят в качестве параллели к «Слову» цитату из Книги пророка Иеремии: «И ныне для чего тебе путь в Египет, чтобы пить воду из Нила? и для чего тебе путь в Ассирию, чтобы пить воду из реки ее?» (Иер. 2: 18). Но стоит ли искать источник выражения «Слова» «испить шелоном Дону» в книге, написанной в VII—VI вв. до н. э., отдельные главы которой были переведены на церковнославянский язык только в 1490-е гг.? В таком случае Книгу пророка Иеремии следует признать источником и других древнерусских произведений, в которых используется тот же средневековый мотив (в Древней Руси символом победы над страной было питье воды из ее реки). Некоторые из этих произведений указаны Д. С. Лихачевым в комментарии к «Слову о полку Игореве».¹⁷

¹⁴ Цитируется по машинописи В. Н. Перетца (см. с. 74), с копии которой был сделан перевод на украинский язык; машинопись хранится в Рукописном отделе ИРЛИ РАН в фонде В. П. Адриановой-Перетц (ф. 726).

¹⁵ Как установил И. Е. Евсеев, Книга пророка Иеремии входила в мифодиевский перевод Библии на славянский язык, который, по всей вероятности, был известен в Киевской Руси (в общий протограф Архивского и Виленского хронографов из мифодиевского перевода Книги пророка Иеремии были включены главы 3, 6, 11—13, 15, 31, 39—43, 52). Что же касается сюжета о взятии Иерусалима Навуходоносором и пленении царя Седекии, то его хорошо знали в XI в. и по другим источникам: Четвертой книге Царств, Хронографу по великому изложению, Хронике Георгия Амартола, апокрифу «Паралипомен Иеремии» (входившему в состав Успенского сборника XII—XIII вв.), по толкованиям на Книгу пророка Иезекииля и т. п. Благодарю за эти сведения Василия Васильевича Калугина.

¹⁶ Стоит отметить, что текст «Слова» сопоставляется А. Н. Ужанковым с синодальным переводом Книги пророка Иеремии с греческого на русский язык, который был осуществлен в XIX в.

¹⁷ «Ср. в похвале Роману Мстиславичу: “тогда Володимир Мономах *пил золотом* (так!) *шоломом Дон*, и приемшу землю их всю, и загнавшу окаянньныя агаряны” (Ипатьевская летопись под 1201 г.); ср. требование Юрия Всеволодовича, обращенное им к новгородцам: “Выдайте ми Якима Иван-

Остальные «параллели» из Книги пророка Иеремии, приведенные исследователем (см. с. 327–338: «Рецепция Книги пророка Иеремии “Словом о полку Игореве”»), и вовсе не имеют ничего общего с текстом «Слова». Например, Игорь Святославич, по мнению А. Н. Ужанкова, забыв Бога истинного (?), становится по сути дела язычником (?), а потому выступает праправнуком языческого Дажьдбога (?), «ибо дед Игоря, Олег Святославич (Гориславич) дважды назван в “Слове” “Дажьдбожьим внуком”,¹⁸ идет за земными ценностями — славой, не внимлет предупреждению — солнечному затмению, и в результате попадает в половецкий плен». «Это будто бы о нем пишет пророк Иеремия: “Так говорит Господь: не учитесь путям язычников и не страшитесь знамений небесных, которых язычники страшатся» (Иер. 10: 2). Что тут общего со «Словом»? И если язычники страшатся знамений, то князь Игорь, которого А. Н. Ужанков объявляет язычником, как раз не боится знамения, игнорирует солнечное затмение! Мысль автора в данном случае трудно понять, как и «генеалогию» Игоря Святославича.

Приведу еще несколько сопоставлений, предложенных исследователем, комментарии к которым излишни:

1. «На Игоря Святославича со всех сторон идут половцы <...>: “...Половцы идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всехъ странъ Рускыя плъкы оступиша...”. Нечто подобное уже было с Израилем: “...Ибо так говорит Господь: вот Я выброшу жителей сей земли на сей раз и загоню их в тесное место, чтобы схватили их” (Иер. 10: 18). Такое ощущение, что русские князья в точности повторяют и переживают библейские события» (с. 334).

2. «Сообразно Божией воли каждого из участников ожидает свой жребий: “...Так говорит Господь: кто обречен на смерть, иди на смерть;

ковица, Микифора Тудоровица, Иванка Тимошкиница, Сдилу Савиница, Вячка, Иванца, Радка; не выдадите ли, — а я *поилъ есмь коне Тьхверию* (т. е. занял уже Торжок на Тверце), а *еще Волховомъ напою* (т. е. займу и Новгород)” (Новгородская первая летопись по Синодальному списку под 1224 г.). Символ этот устойчиво держится в русской жизни. В XVI в. его употребляет Иван Грозный в письме к Курбскому: “и коней наших ногами переехали вси ваши дороги из Литвы и в Литву, и пеши ходили, и *воду во всехъ техъ мѣстехъ пили*, ино уж Литве нельзя говорити, что не везде коня нашего ноги были” (Русская историческая библиотека, т. XXXI, 1914, с. 123). В XVII в. символ этот употребляют казаки в “Повести об Азове”: “казаки его (русского царя) с Азова оброк берут и *воды из Дона пити не дают*”...» (Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический [к «Слову о полку Игореве»] // Слово о полку Игореве / АН СССР; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 383–384).

¹⁸ Это ошибочное утверждение. «Дажьдбожьим внуком» («потомком» бога солнца) назван в «Слове» не какой-то конкретный князь, а весь княжеский род в целом (использована известная символика «князь-солнце»).

кто под меч — под меч; и кто на голод, — на голод; и кто в плен, — в плен” (Иер. 15: 3). Ему вторит “Слово”: “Уже бо, братие, не веселая (так!) година встала, уже пустыни силу прикрыла”. “А Игорева храброго полку не кресити!” Вспоминается опять Иеремия: “И будут трупы народа сего пищею птицам небесным и зверям земным, и некому будет отгонять их” (Иер. 7: 33)» (с. 335).

3. «И дальнейшее развитие древнерусских событий предсказано пророком: “Не плачте (так у А. Н. Ужанкова) об умершем и не жалеите о нем; но горько плачте (так!) об отходящем в плен, ибо он уже не возвратится и не увидит родной страны своей” (Иер. 12: 10). Вот тут-то и вспоминается знаменитый плач Ярославны — жены князя Игоря: “Ярославна рано плачет в Путивле на забрале...”» (с. 335).

Рассматривая «Слово» как назидательную историю о возгордившемся и наказанном за это князе, а также (вслед за Б. Гаспаровым и И. А. Есауловым) как дидактическое повествование о блудном сыне, А. Н. Ужанков упускает из виду (скорее, сознательно игнорирует) тот факт, что главное в «Слове» — не история похода Игоря, а художественное осмысление трагических результатов княжеских междоусобиц и прямые призывы к князьям объединенными усилиями защищать Русскую землю. Ради этого оно, по мнению абсолютного большинства исследователей, и было создано, ради этого в нем присутствуют обширные фрагменты, повествующие о междоусобицах князей XI века — времени дедов героев «Слова». Этот мой довод¹⁹ А. Н. Ужанков отводит одной фразой: «А вот подменять религиозные цели политическими, как это делает исследовательница, я бы не стал» (примеч. 368 на с. 465). Более того, по его словам, «сотворено “Слово” не по послушанию, *не для массового читателя, а для укромного вдумчивого восприятия*. Это боговдохновенное творение есть наставление для православной души» (с. 405). А как же быть с призывом к князьям объединиться для защиты Русской земли? И даже если «Слово» — это назидательная история, то почему она не для массового читателя, а для «укромного вдумчивого восприятия»?

А. Н. Ужанков не только подменяет политические цели «Слова» религиозно-назидательными, но и вовсе отрицает воспевание в «Слове» воинской доблести русских князей и их дружинников. Вслед за Р. Пиккио исследователь понимает выражение «ваю храбрая сердца въ жестоцець харалузѣ скована, а въ буети закалена» как отрицательную характеристику Игоря и Всеволода Святославичей, как (по словам Р. Пиккио) «греховное ожесточение сердца» и «буйство дерзостного ума». «Ратный дух», «упорное сердце» и «мужество» являются, по словам Р. Пиккио,

¹⁹ Соколова Л. В. Политическое и дидактическое осмысление событий 1185 г. в летописях и в «Слове о полку Игореве». С. 99.

не добродетелями, но *признаками духовной патологии, происходящей от гордости* и используемой Господом как наказание.²⁰

Возражая Р. Пиккио, я отметила, что автор «Слова» использует здесь образ из дружинной поэзии: сравнение воспитания в рыцарском духе с закалкой оружия.²¹ «Храброе сердце» и «буесть» не являются свидетельством «безумия» Игоря и Всеволода, они — показатель воинской доблести братьев. Слово «буесть» имеет разные значения, в том числе и «безумие», но в «Слове» оно означает, без сомнения, — «храбрость, отвагу, ярость в битве».²² В этом же значении слово «буесть» употреблено в «Слове» и по отношению к двум другим братьям: «А ты, буи Романе, и Мстиславе! храбрая мысль носить ваю умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буиствь одолѣти». Это же значение слова «буесть» использовано в Ипатьевской летописи под 1224 г.: «...а самому Данилу бодену бывше в перси, младѣства ради и буести не чюяше ранъ бывшихъ на телеси его».²³ Наконец, прозвище Всеволода «Буй Тур» тоже говорит о его отваге в бою, ярости в битве, способности забыть обо всём в момент боя: «Ярь Туре Всеволодѣ! Стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлеши о шелома мечи харалужными, кая раны дорога братие, за-

²⁰ Пиккио Р. «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси. С. 434—435.

²¹ По словам Б. А. Рыбакова, «существует своеобразный способ закалки оружия: раскаленный выкованный клинок, поставленный вертикально лезвием вперед, вручается всаднику, который гонит коня с возможной быстротой. При этом пламенный харалужный клинок закаляется в воздушной струе, причем лезвие, охлаждаясь больше, было тверже, а обух сохранял большую вязкость, что в целом давало идеальные качества клинка» (Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М.: 2-я тип. Изд-ва АН СССР, 1948. С. 236—237).

²² Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. М.; Л.: Наука, 1965. Вып. 1. С. 73—74. Указаны следующие значения древнерусского слова *буесть*: «1. Храбрость, отвага, ярость в битве; 2. Надменность, тщеславие; 3. Своеволие, дерзость; 4. Буйство, безумие; || заблуждение, помрачение ума».

²³ В. Л. Виноградова отметила, что «в этом значении (храбрость, отвага, ярость в битве) [слово] *буесть* не получило широкого распространения в древнерусском языке, так как остальная семантика его была отрицательной, а также было много синонимов с положительной окраской, и слово *буесть* не выдерживало конкуренции. *Буесть* выбрано автором “Слова” из-за сильной степени экспрессии, которая подчеркивала более активное состояние — горячность, ярость в битве» (Виноградова В. Л. О методе лексикологического изучения текста «Слова о полку Игореве» // Вопросы языкознания. 1978. № 6. С. 101).

бывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола, и своя милья хоти, красныя Гльбовны, свычая и обычая!»²⁴

Автор использует здесь средневековую формулу поведения воина в бою, отраженную в русской и восточной средневековых литературах. Д. С. Лихачев указал на отражение этой формулы воинской чести в поучении Феодосия Печерского и в летописи.²⁵ Феодосий Печерский в своем «Поучении о терпении и милостыни» пишет: «...воину Христову лепо ли есть лениться? Да или то они за т щ у ю славу и изгыбающую не помнят ни жены, ни детей, ни имения. Да что мню имение, еже есть хуже всего, но и главы своя ни в что же помнать, дабы им не посрамленным быти».²⁶ Профессор Ё. Накамура привел интересную параллель к описанию сражающегося Всеволода из средневековой японской «Повести о доме Тайра»: «В старину полководец, выезжающий из столицы с повелением разгромить государевых врагов, знал три вещи: в тот день, когда ты пожалован командирским мечом, — забудь свой дом; покидая свой дом, — забудь жену и детей; когда же на поле брани сражаешься с противником, — забудь о самом себе».²⁷ Эта формула воинского кодекса характерна именно для Киевской дружинной домонгольской Руси. В «Задонщине», произведении середины XV в., мы встречаемся не просто с отсутствием этой формулы воинской чести, использованной в «Слове», но с прямой ее противоположностью. Великий князь Дмитрий Иванович говорит своим боярам, подбадривая их во время битвы: «Братия бояра и воеводы, и дети боярьские, то ти ваши московские слаткие меды и великие места!» Как видим, Дмитрий Иванович призывает своих воевод не «забыть» во время боя о своей «чести», «великих местах» (служебном положении),²⁸ а, напротив, *помнить* об этом и вдохновляться в том числе этим во время сражения.

²⁴ Выделенный курсивом текст, по моему мнению, читался в авторском тексте «Слова» именно здесь. В Мусин-Пушкинской рукописи он завершает фрагмент о Всеволоде. Обоснование переноса см.: Соколова Л. В. Композиция «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Т. 55. С. 196.

²⁵ Лихачев Д. С. «Слово» и эстетические представления его времени // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л.: Худож. литература, 1978. С. 65—66.

²⁶ Там же. С. 65.

²⁷ Накамура Ё. «Слово о полку Игореве» и «Повесть о доме Тайра» (сравнение с точки зрения системы цветов) // «Слово о полку Игореве»: Комплексные исследования. М.: Наука, 1988. С. 82—83.

²⁸ Слово «честь» здесь употребляется в другом, нежели в «Слове», значении. П. С. Стефанович, продолжая спор Ю. М. Лотмана и А. А. Зимина

Анализируя гипотезу Р. Пиккио, я отметила, что «подход с позиций христианской морали, христианского смирения к произведению, в котором отразилась рыцарская эпоха с ее представлениями о воинской чести и славе, доблести, мужестве, “ратном духе”, представляется мне ошибочным. В системе ценностей рыцарского кодекса “ратный дух”, доблесть являются именно достоинствами, а не признаками духовной патологии».²⁹ Возражая мне, А. Н. Ужанков пишет: «Чтобы заявлять подобное, нужно, во-первых, доказать, что в Древней Руси XII века существовал рыцарский кодекс, да и сами рыцари. Л. В. Соколова явно ошиблась, приписав Древней Руси рыцарские обычаи Западной Европы».³⁰ Если бы “Слово” написал западноевропейский рыцарь, то, возможно, такая оценка в его сочинении и присутствовала бы. Однако “Слово” написал православный человек с другой системой ценностей» (с. 295–296), для которого, по мнению А. Н. Ужанкова, «буесть» соседствует с гордыней и, следовательно, греховна; и «земная слава, к которой стремились Святославичи, в православном сознании греховна (в отличие от европейского ее понимания), поскольку, опять же, вызвана

о понятии «честь» в «Слове», утверждает, что слово «честь» в литературе домонгольской Руси «ничего общего с феодализмом, вассалитетом, кодексом чести, рыцарством и т. д. не имеет». См.: *Стефанович П. С.* «Честь» и «слава» на Руси в X — начале XIII в.: терминологический анализ // Мир истории: Электронный журнал. 2003. № 2: <http://www.historia.ru>; см. также: *Стефанович П. С.* Древнерусское понятие чести в памятниках литературы домонгольской Руси // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2004. № 2 (16). С. 63–87. Однако сам П. С. Стефанович указывает, что автор повести, помещенной в Ипатьевскую летопись, передает слова Игоря после первого успешного столкновения с половцами: «се Богъ силою своею возложилъ на врагы наша победу, а на нас честь и слава». Слово «честь» здесь явно означает «почет, почетная известность» (см.: *Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»* / Сост. В. Л. Виноградова. Л.: Наука, 1984. Вып. 6. С. 157–159).

²⁹ Соколова Л. В. Политическое и дидактическое осмысление событий 1185 г. в летописях и в «Слове о полку Игореве». С. 98.

³⁰ Думаю, что, читая мою статью, вряд ли кто-то сомневался, что, говоря о «рыцарстве», я имела в виду не рыцарские турниры и не служение Прекрасной Даме, а общеевропейские и даже восточные воинские традиции, общие представления о долге и обязанностях воина, о чести и славе или беславии и «сороме». Говоря о «рыцарской эпохе», я следовала за своими предшественниками: за Е. В. Барсовым, считавшим, что автор «Слова» «дорожит дружинными понятиями рыцарской чести и славы»; за Б. А. Рыбаковым, характеризовавшим курских дружинников Всеволода как «рыцарей»; за А. С. Орловым, обосновывавшим происхождение «Слова» из «дружинной среды» его «общим тоном рыцарственной воинственности»; за Д. С. Лихачевым, писавшим о дружинной и княжеской чести и славе.

гордыней» (с. 296). Исследователь морализаторски заключает: «Не следует нам наделять его (автора «Слова». — Л. С.) нашим современным миропониманием. В XII в. оно было иным. И с мировоззренческих позиций XII в. нужно, а не нельзя, как утверждает Л. В. Соколова, рассматривать “Слово о полку Игореве” “как религиозную назидательную историю о возгордившемся и наказанном за это воине”» (с. 296). Как видим, исследователь склонен исходить в определении идеи «Слова» не из текста памятника, а из «мировоззренческих позиций XII в.», противопоставляя при этом мировоззренческие взгляды древнерусских средневековых авторов (по представлению которых земная слава греховна) и их западноевропейских современников (заметим, тоже христиан).

Вторая гипотеза А. Н. Ужанкова, претендующая на открытие, касается автора «Слова о полку Игореве». По его мнению, автором памятника является игумен киевского Михайловского Выдубицкого монастыря Моисей. Исследователь пытается реконструировать биографию Моисея, точнее — сочинить ее. Согласно А. Н. Ужанкову, игумен Моисей был когда-то хорошим воином и охотником, в прошлом участвовал в походе Игоря, а именно — был одним из 15-ти спасшихся воинов; исследователь идентифицирует его с известным по историческим источникам *Беловолодом Просовичем*, который (по рассказу Ипатьевской летописи) и поведал Святославу Киевскому о результатах бесславного похода. После возвращения с поля битвы Беловолод Просович якобы в том же 1185 г. постригся в монахи (по обету, в благодарность Богу за свое спасение) с именем Моисей, с 1187 г. вел летописание в Выдубицком монастыре, а с 1189 г. являлся игуменом монастыря, продолжая трудиться на поприще летописания. Он редактировал Киевский летописный свод, для которого то ли написал, то ли отредактировал повесть о походе Игоря Святославича на половцев (здесь исследователь путается),³¹ он же затем написал «Слово о полку Игореве» и, наконец, — создал Похвальное слово Рюрику Ростиславичу (это единственное произведение, достоверно принадлежащее игумену Моисею). Моисей, по предположению А. Н. Ужанкова, «был человеком очень образованным, знал греческий язык и работал с рукописями в монастырской библиотеке» в Выдубицком монастыре. Там он узнал и подробности из жизни Мономаха и Мономаховичей, а также познакомился с полным текстом Библии на греческом языке, в том числе — с входящей в нее Книгой

³¹ На с. 268 А. Н. Ужанков пишет: «Автор “Слова” хорошо знал рассказ о походе Игоря из Ипатьевской летописи, поскольку сам его написал (на худой конец — редактировал)». Однако на с. 400 он уже уверенно заявляет: «Из всего этого можно сделать *только один вывод*: летописная повесть из Киевского летописного свода о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. и “Слово о полку Игореве” написаны одним человеком. И этим писателем был Выдубицкий игумен Моисей».

пророка Иеремии, к которой и обратился при написании «Слова о полку Игореве» (с. 391–413).

Гипотеза Ужанкова об авторе «Слова» строится на целом ряде произвольных допущений. Основные из них таковы: 1) утверждается, что в «Слове» есть «скрытые цитаты» из библейской Книги пророка Иеремии, которую автор мог читать только на греческом языке, поскольку перевода ее на церковнославянский еще не существовало; 2) высказывается предположение, что автор «Слова» мог познакомиться с Книгой пророка Иеремии именно в Выдубицком монастыре, «первыми насельниками которого были греки,³² без сомнения, привезшие на Русь книги на греческом языке, в том числе и Библию» (с. 472); 3) еще одно предположение держим в уме — в Выдубицком монастыре с Книгой пророка Иеремии познакомился именно игумен Моисей. Из этой серии предположений делается вывод: Моисей «был человеком очень образованным, знал греческий язык», а, следовательно, мог читать и использовать в «Слове» Книгу пророка Иеремии. Кольцо замкнулось. Гипотеза об использовании в «Слове» цитат из библейской книги на греческом языке привела исследователя к выводу о знании греческого языка игуменом Моисеем, дабы можно было атрибутировать ему «Слово о полку Игореве». Почему именно Моисей? Да потому, что в одном монастыре не могло быть двух гениальных авторов: «Трудно себе представить, чтобы в то же самое время в Выдубицком монастыре пребывал еще один, может даже более талантливый, чем игумен, писатель, но ничего, кроме “Слова”, не написавший» (с. 385).

Все эти рассуждения А. Н. Ужанкова — не что иное, как произвольные допущения. Остается недоказанным ни факт создания «Слова» в Выдубицком монастыре, ни создание его игуменом Моисеем. Исследователь не задумывается о том, каким образом рядовой дружинник, пусть даже боярин (об этом ничего не известно), стал вдруг через два года летописцем, а затем и поэтом, создавшим гениальное «Слово о полку Игореве», образец высочайшей поэзии. Тем не менее, основываясь на череде допущений и предположений, Ужанков «со всей ответственностью» делает заключение о том, что «Моисей был не просто высокопрофессиональным летописцем, но что он становится к концу XII века самым выдающимся и самым значимым писателем своего времени» (с. 416), что «игумен Моисей Выдубицкий — это древнерусский Пушкин» (с. 481). Убеждая читателя в том, что летописную повесть о походе Игоря и «Слово о полку Игореве» создал один человек, А. Н. Ужанков

³² Это тоже не более чем предположение А. Н. Ужанкова. Историю Выдубицкого монастыря см., в частности, в статье: Ульяновский В. И., Э. П. Р. Киевский Выдубицкий во имя архангела Михаила мужской монастырь // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2013. Т. 33. С. 336–349.

замечает: «Рука гения видна в неповторимости. Автор может использовать один и тот же сюжет, но облечь его в две совершенно разные формы, как это сделал А. С. Пушкин в “Евгении Онегине” и “Капитанской дочке” (? — Л. С.). Так же это сделал игумен Моисей в летописной повести о походе Игоря Святославича <...> и в “Слове о полку Игореве”» (с. 481). К сожалению, А. Н. Ужанков не приводит необходимого для его построений сопоставления языка и стиля «Слова о полку Игореве» с единственным известным произведением игумена Моисея — «Похвальным словом Рюрику Ростиславичу» (преувеличенно именуемым А. Н. Ужанковым гениальным), произнесенным им на торжествах по случаю окончания строительства стены, укрепляющей берег под монастырской церковью.

Некоторые утверждения или выводы исследователя строятся на явных ошибках. Стремясь доказать участие автора «Слова» в походе на половцев, А. Н. Ужанков указывает на «эффект присутствия автора при описании боя», отраженный якобы во фразе «Что *ми* шумить, что *ми* звенить давеча рано предъ зорями?» «Создается впечатление, — пишет А. Н. Ужанков, — что автор вновь переживает те события, участником которых он был сам» (с. 398). Однако еще А. А. Потебня отметил, что *ми* в данном случае — это *dativus ethicus* (дательный этический), имеющий значение частицы, энклитики.³³ На это же обоснованно указал в 2013 г. авторитетный лингвист А. А. Алексеев, работа которого осталась А. Н. Ужанкову неизвестной.³⁴ Форма дательного падежа местоимений *ми* и *ти* употреблена в подобных случаях в функции, близкой к вводному слову, т. е. вне связи с прямым значением; ср., например: «Оно, правда, не близко, а только тут тебе и лес, и сплавная река!»³⁵ Следовательно, энклитика *ми* в рассматриваемой фразе «Слова» не мо-

³³ Потебня А. А. Слово о полку Игореве. 2-е изд. Харьков: Тип. «Мирный труд», 1914. С. 186. Настаивая на своем, важном для его гипотезы понимании значения местоимения «ми», А. Н. Ужанков указывает на другие случаи употребления его в «Слове» (в Сне Святослава) и заключает: «Поэтому трудно согласиться с А. А. Потебней, который видел форму *ми* в разбираемой фразе в качестве “частного случая” использования “дательного поэтического”, который “выражает сознание живости”, с какой певец или рассказчик представляет себе то, о чем говорит...». Довод А. Н. Ужанкова трудно признать хоть сколько-нибудь убедительным, особенно в отношении произведения, автор которого постоянно «играет» словами, используя одно и то же слово в разных его значениях.

³⁴ Алексеев А. А. *Dativus ethicus* в «Слове о полку Игореве» // Алексеев А. А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. С. 207–214.

³⁵ Ахманова О. С. Дательный падеж // Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 119–120.

жет служить указанием на присутствие автора на поле боя. А это разрушает миф А. Н. Ужанкова о том, что Моисей — один из уцелевших участников Игорева похода, после возвращения постригшийся в монахи и затем, *как свидетель*, написавший летописную повесть о походе Игоря, включенную в Киевский свод, и «Слово о полку Игореве». При этом исследователю хочется назвать имя этого свидетеля, участника похода. И поскольку из оставшихся в живых и вернувшихся с поля боя известно только одно имя — Беловолода Просовича, то именно он, по мнению А. Н. Ужанкова, и постригся в Выдубицком монастыре под именем Моисей (с. 405—413). Автор «Слова», по утверждению исследователя, даже указывает на свой статус дружинника словами «А мы уже, дружина, жадни веселия» (с. 484, примеч. 530). Ученым игнорируется или не осознается тот факт, что эти слова произносят бояре Святослава Всеволодовича, толкуя его сон. Полная несостоятельность приведенных «доказательств» не мешает А. Н. Ужанкову заключить, что автор «Слова» «был непосредственным участником похода Игоря Святославича на половцев в 1185 г. и относился к дружинникам» (с. 398).

Удивляет в книге А. Н. Ужанкова и то, что давно установленные факты он с пафосом выдает за свои собственные разыскания и «открытия». Например, он пространно рассуждает о последовательности появления летописных рассказов и «Слова о полку Игореве» (этому посвящен целый раздел в новой книге: «Летописные повести о походе Игоря Святославича», см. с. 178—244), доказывая, что «Слово о полку Игореве» не предшествует летописным рассказам, а следует за ними. В интервью А. Самохину на вопрос о том, как строилась его «сенсационная гипотеза» об авторстве «Слова», А. Н. Ужанков отвечает: «Для начала я *выстроил* хронологическую последовательность появления трех произведений о злополучном походе Игоря Святославича. Первой была написана Переяславская повесть, вошедшая в Лаврентьевскую летопись, потом — Киевская (Ипатьевская), а последним — “Слово о полку Игореве”. Это очень важно...».³⁶

Следует отметить, что последовательность появления трех упомянутых произведений была установлена до А. Н. Ужанкова. Взаимоотноше-

³⁶ Самохин А. «Слово о полку Игореве» обрело автора // Культура. 2020. 29 октября. № 10. URL: <https://portal-kultura.ru/articles/books/330809-slovo-o-polku-igoreve-obrelo-avtora>). В аннотации к книге А. Н. Ужанкова также подчеркивается, что взаимосвязь трех текстов о походе Игоря установлена ее автором: «Сопоставляются все три произведения о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. <...> Выясняется, как они соотносятся между собой, что было написано раньше, и когда было написано само “Слово”. Выстраивание *трех исторических повестей* (!) в хронологической последовательности способствует выявлению идей самих произведений и места их создания».

ние двух летописных рассказов наглядно показала Н. С. Демкова, придя к выводу о том, что рассказ киевского летописца как будто бы последовательно отвечает на все упреки владими́ро-суздальского рассказа.³⁷ А. Н. Ужанков, сославшись на работу Н. С. Демковой и процитировав ее, замечает: «Наблюдения Н. С. Демковой дополняет Л. В. Соколова. <...> Исследовательница соглашается с выводами Н. С. Демковой, которая отметила “несомненную политическую конфронтацию двух летописных текстов, созданных примерно в одно и то же время”» (с. 186—187). Между тем я не только согласилась с Н. С. Демковой относительно взаимоотношения двух летописных повествований о походе Игоря и последовательности их появления, но и высказала следующую мысль: «Автор “Слова о полку Игореве” был, по всей вероятности, знаком с обоими летописными рассказами о походе Игоря. И указал на это во вступительной части своего произведения. Он собирается петь не по замыслу Бояна, а по былинам (т. е. достоверным рассказам) своего времени, под которыми, на мой взгляд, он имеет в виду именно два летописных рассказа о походе Игоря на половцев».³⁸ Далее в моей статье говорится: «Политическая позиция автора “Слова”, без сомнения, близка позиции киевского летописца, он сторонник Ольговичей. При этом, если киевский летописец занимает оборонительную позицию — он оправдывает Ольговичей, отвергая обвинения владимирского летописца, то автор “Слова о полку Игореве” перешел в наступление: в “золотом слове” Святослава звучит обвинение в адрес князей “Владимирова племени”, которые, по его мнению, занятые своими делами, не спешат постеречь “золотой киевский стол”».³⁹ Таким образом, А. Н. Ужанков безосновательно приписал себе установление взаимоотношений «Слова» с летописными рассказами о походе Игоря Святославича.

То же самое можно сказать об «открытии» Ужанковым кольцевой композиции «Слова». Он пишет: «*Мне же видится* в “Слове” досконально продуманная и скрупулезно спланированная композиционная организация текста. Имеет она кольцевое строение: <...> начинается со света, погруженного во тьму, а завершается выходом из тьмы на

³⁷ Демкова Н. С. 1) К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве» // Вестник ЛГУ. Л., 1973. № 14. Вып. 3. С. 75; 2) Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники: Сб. статей. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1997. С. 46—48.

³⁸ Впервые эта мысль была высказана мной еще в 1987 г. См.: Соколова Л. В. Две первые фразы «Слова о полку Игореве» // Исследования по древней и новой литературе. Л.: Наука, 1987. С. 210—215.

³⁹ Соколова Л. В. Политическое и дидактическое осмысление событий 1185 г. в летописях и в «Слове о полку Игореве». С. 96.

свет...» (см. с. 306). На это уже неоднократно указывали исследователи, в частности, А. М. Панченко и И. П. Смирнов в совместной работе,⁴⁰ А. Н. Робинсон,⁴¹ Б. М. Гаспаров⁴² и другие.⁴³ Такое отношение к работам предшественников выглядит еще более странно, если учесть, как настойчиво А. Н. Ужанков отстаивает в книге свой «приоритет открытия влияния Книги пророка Иеремии на “Слово”», выговаривая А. М. Ранчину за то, что тот «приписывает это важнейшее открытие Р. Пиккио» (см. примеч. 448 на с. 474–477).

* * *

Не меньше вопросов, чем гипотезы по поводу главной идеи «Слова» и его автора, вызывает и предложенный в книге А. Н. Ужанкова перевод «Слова о полку Игореве», а также комментарий к нему. Текст памятника исследователь понимает крайне плохо, при этом не знает новейших работ, посвященных толкованию тех или иных «темных мест» «Слова». В переводе памятника отразилось много устаревших и даже нелепых прочтений; кроме того, в книге присутствуют некорректные комментарии к древнерусскому тексту «Слова» и переводу памятника на современный русский язык.

Так, при перечислении воинских трофеев в результате первого, удачного для русских, боя автор «Слова» пишет, в частности: «Чрълень стягъ, / бѣла хорюговъ, / чрълена чолка, / сребрено стружие / — храброму Святъславличю!» В переводе А. Н. Ужанкова эта строфа почему-то осталась, по сути, без перевода, за одним исключением: «Червлёный стяг, / белая хоругвь / червленая челка, / серебряно древко — храброму Святославичу!» А. Н. Ужанков переводит «сребрено стружие» как «се-

⁴⁰ Панченко А. М., Смирнов И. П. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX в. // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1971. Т. 26. С. 43.

⁴¹ Робинсон А. Н. «Слово о полку Игореве» среди поэтических шедевров Средневековья // «Слово о полку Игореве»: Комплексные исследования. С. 16.

⁴² Гаспаров Б. Поэтика «Слова о полку Игореве». Wien, 1984. С. 95. (Wiener slawistischer Almanach; 12).

⁴³ О «споре жизни со смертью, мрака со светом», об «образе мрака, временно победившего свет», о «прохождении через фазу мрака и смерти (оскудения) и возрождении» в «Слове» говорится в черновом наброске к докладу о жанре М. М. Бахтина, озаглавленном «“Слово о полку Игореве” в истории эпопеи». Этот подготовительный материал, датируемый исследователями 1940–1941 гг., трижды публиковался в конце XX в. См., например: Бахтин М. М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. С. 39–41.

ребряно древко», не смущаясь тем, что древко не может быть серебряным. Между тем установлено, что «стружие» — это металлическое острие копья, насаживаемое на деревянный шест (древко), или — как в данном случае — серебряное навершие стяга, древка знамени. Эта ошибка и отказ от перевода фрагмента вызвана непониманием А. Н. Ужанковым того, что автор «Слова» перечисляет здесь не четыре разных предмета, а четыре части преподнесенного Игорю после первой битвы половецкого знамени (прием метонимии): стяг (древко), хоругвь (полотнище), челка (бунчук) и стружие (серебряное навершие древка у знамени).⁴⁴

Фразе «Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе и на Канину зелену паполому постла» (т. е. слава, похвальба привела Бориса Вячеславича на суд (битву) и уложила на зеленую паполому (зеленую траву у ручья Канин, ставшую для него погребальным покрывалом)) А. Н. Ужанков переводит так: «Бориса же Вячеславича слава на (Божий) суд привела и на канун зеленый погребальный покров постлала» (с. 35), при этом в примечании пишет: «...Канин, возможно, тоже река, или, скорее, ручей. Однако в любом случае покрывать упомянутой в “Слове” паполемой, то есть погребальным покрывалом, реку или ручей (? — Л. С.) выглядит абсурдным», поэтому он использует предложенное писателем Юрием Сбитневым чтение «на канун зелену паполому постла», поясняя: «В практике православной церкви канун — это специальный поминальный столик (стол) в храме, на который ставятся свечи об усопших, так, порой, именуют и саму панихиду по умершему, положенному для отпевания на канун (низкий столик для отпевания, похожий на лавку), и поминальную еду с питьем на кануне, и сами поминки» (с. 93—94).⁴⁵ А. Н. Ужанков игнорирует то, что в «Слове» читается не «на канун», а «на Канину», и не поясняет, почему на «канун» судьба зеленую паполому постелила.

Выражение «земля тутнет» (т. е. гудит, шумит) А. Н. Ужанков переводит как «тучнеет (от крови)». «Мечи вережени» (т. е. поврежденные, затупившиеся в бою) понимаются исследователем как «мечи враждебные», мечи харалужные — как сверкающие (см. примеч. 80). Во фразе «Хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону» слово «любо» (разделительный союз «или», «либо») оставлено без перевода, а в комментарии поясняется таким образом: «любо — хорошо; то, что нравится». Фраза из похвалы курянам-кметям «конец копия всьскрмлени» (т. е. с конца копья вскормлены) переводится «острием

⁴⁴ Подробнее см.: Соколова Л. В. Образ Всеслава Полоцкого в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 53. С. 35—37.

⁴⁵ Ссылка на работу Ю. Н. Сбитнева А. Н. Ужанковым не приведена. Вероятно, имеется в виду книга этого писателя «Тайны родного Слова: Мое прикосновение к “Слову о полку Игореве”» (М.: Троица, 2010. 175 с.).

копья вскормлены» (?); выражение «вльци грозу въсрожать по яругамъ» переводится «волки грозу *сторожат* (?) по оврагам»; словосочетание «стязи глаголють» переведено «стязи лопочут». Фразу из «злата слова» Святослава «рано еста начала Половецкую землю мечи *цвѣлити*» (т. е. беспокоить⁴⁶) А. Н. Ужанков передает так: «рано вы начали Половецкую землю мечами *расцвечивать*» («цвѣлити» возводя к «цветы»?). *Зегзица*, с которой отождествляется плачущая Ярославна, переводится А. Н. Ужанковым как *чайка*, а в комментарии он, путаясь, говорит то о чайке, то о чибисе (устаревшая точка зрения биолога Н. В. Шарлеманя, основанная на недоразумении: он имел в виду «речную чайку», т. е. чибиса, которую на Северщине называли *зігічкой*), в то время как давно установлено, что *зегзица* в «Слове» — это кукушка, птица-плакальщица, символ одинокой тоскующей женщины.⁴⁷

В повествовании о Всеславе Полоцком есть фраза, переданная в Первом издании «Слова» так: «...*утрѣ же возни стрикусы* / отвори врата Нову-граду», — с курьезным (по выражению Р. О. Якобсона) переводом, обогатившим древнерусский словарь новоприобретенным «стрикусом»: «...по утру же вонзив стрикусы, отворил он ворота Новгородския». ⁴⁸ Д. С. Лихачев в издании «Слова» 1950 г. «возни» исправил на «вознзи» (понимая вслед за первыми издателями это слово в значении «вонзил»), и, кроме того, слово «утрѣ» было напечатано в подготовленном им издании, ошибочно или сознательно, как «утрѣ»; таким образом, в издании «Слова» 1950 г. читалось: «...утрѣ же вознзи стрикусы» ⁴⁹ (перевод Лихачева: «поутру же вонзил секиры, / — отворил ворота Новгорода...»). ⁵⁰ В 1948 г. Р. О. Якобсон предложил, опираясь на чтение Екатеринбургской копии («утрѣже вазнистри кусы») иное разделение текста на слова: «утрѣже (урвал) вазни (удачи) с три кусы» (перевод Якобсона: «знать, трижды ему довелось урвать по кусу удачи»). ⁵¹ С таким разделе-

⁴⁶ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Вып. 6. С. 142–143.

⁴⁷ См. об этом: Соколова Л. В. Мотив живой и мертвой воды в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 48. С. 38–47.

⁴⁸ Ироическая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича... М.: В Сенатской тип., 1800. С. 35.

⁴⁹ Слово о полку Игореве / Под. ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950 (Лит. памятники). С. 25.

⁵⁰ Там же. С. 69.

⁵¹ La Geste du Prince Igor: Épopée russe du douzième siècle / Texte établi, traduit et commenté sous la direction d'Henri Grégoire, de Roman Jakobson et de Marc Szeftel, assistés de J. A. Joffe. New York, 1948. P. 68, 196; Якобсон Р. О.

нием текста Екатерининской копии на слова согласились все исследователи, но перевод казался не вполне удовлетворительным с точки зрения смысла.⁵²

Как передает эту фразу А. Н. Ужанков? Ее начало он заимствует из текста, подготовленного Д. С. Лихачевым,⁵³ но при этом слово «стрикусы», следуя за современными изданиями, делит на три слова: «с три кусы». В результате получается такое выражение: «утрѣ же возни с три кусы». В таком случае перевод должен быть таким: «Поутру же вонзил с три кусы». Но А. Н. Ужанков, не считаясь со своим же прочтением древнерусского текста, переводит рассматриваемое выражение, вслед за современными исследователями (исходящими из прочтения Р. О. Якобсона), так: «урвал удачу в три укуса» (перевод словосочетания «с три кусы» как «в три укуса» крайне неудачен).⁵⁴ Этот пример особенно наглядно показывает, что А. Н. Ужанков не понимает текст «Слова» и относится к нему крайне небрежно, не считая нужным вникнуть в смысл фразы и поинтересоваться историей толкования того или иного выражения.

В том же фрагменте о Всеславе Полоцком в Первом издании читается выражение «сочи влькомъ до Немиги съ Дудутокъ», которое А. Н. Ужанков переводит следующим образом: «доскочил волком до Немиги с Дудуток». Между тем Р. О. Якобсон еще в 1948 г. предложил заменить загадочные «Дудутки» словосочетанием «сду токъ», объяснив ошибку переписчика диттографией (удвоением слога), примеры которой привел из других рукописей. Выражение «сду ток» встречается

Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 14. С. 120.

⁵² Существуют различные интерпретации этой фразы, исходящие из различного понимания словосочетания «три кусы». См. об этом: Соколова Л. В. Образ Всеслава Полоцкого в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 53. С. 45–46. Автором этой статьи было предложено понимать словосочетание «с три кусы» как устойчивое, образное выражение со значением «немного»; в таком случае перевод будет таким: «урвал удачи немного» (далее следует противопоставление этой небольшой удачи последовавшим за ней большим бедам) (см.: Там же).

⁵³ А. Н. Ужанков ссылается на комментарий Д. С. Лихачева в издании «Слова» 1950 г. (вместо ссылки на древнерусский текст «Слова» в подготовке ученого), но при этом отступает от текста в его прочтении. Отмечу также, что страницы комментария Д. С. Лихачева указаны неверно: вместо с. 456–457 Ужанков называет с. 436–437.

⁵⁴ Давая этот перевод, А. Н. Ужанков вновь ссылается на комментарий Д. С. Лихачева (вместо его перевода), несмотря на то что у Д. С. Лихачева читается совсем другой перевод, исходящий из иного членения текста на слова.

в былинной поэзии: богатыри перед битвой «дуют ток» — готовят место битвы.⁵⁵

Описание бегства Игоря Святославича из плена начинается фразой: «Прысну море полунощи идуць сморци мъглами», которая А. Н. Ужанковым делится на смысловые отрезки (речевые такты, синтагмы) следующим образом: «Прысну море полунощи. / Идуць сморци мъглами», а переводится так: «Прыснуло море в полуночи. / Идут смерчи мглою». Выражение «прысну море» рисует картину смерча, когда воронкообразный рукав (вихрь) засасывает воду из моря. Но смерчи образуются только в жаркую погоду и только днем,⁵⁶ поэтому «прыскать» в воронку смерча *ночью* (в полуночи) море не может; слово «полунощи» в данном контексте означает «к северу», — туда двигались смерчи, которыми Бог указывал Игорю путь из земли Половецкой на землю Русскую.⁵⁷ Поэтому деление текста на синтагмы должно быть иное: «Прысну море. / Полунощи идуць сморци мъглами». Слово «мглою» осталось не переведенным А. Н. Ужанковым — тогда как древнерусское слово *мгла* в данном случае имеет значение, утраченное в современном языке, — облако, туча.⁵⁸ Смерч (вращающийся столб, воронка) двигался к северу вместе с порождающим его *облаком*.

Птицы во время бегства князя Игоря из плена молчали, чтобы не выдать беглеца, в том числе «сороки не троскоташа, / полозие (по лозие?) ползоша только». А. Н. Ужанков переводит эту фразу как «сороки

⁵⁵ La Geste du Prince Igor'... P. 68, 196; *Якобсон Р. О.* Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки. С. 106.

⁵⁶ Смерчи имеют четкий годовой цикл. Над сушей пик возникновения приходится на май — август и 17–18 часов дня. Над водой пик сдвигается на позднее лето и первую половину дня, 9–13 часов. Наиболее часто водные смерчи встречаются в те моменты, когда температура воды в море достигает 25–26 градусов. Следовательно, наиболее высока вероятность образования такого природного явления с июля по первую часть сентября (см.: *Чернокульский А. В., Курганский М. В., Мохов И. И., Шихов А. Н., Ажигзов И. О., Селезнева Е. В., Захарченко Д. И., Антонеску Б., Куне Т.* Смерчи в российских регионах // Метеорология и гидрология. 2021. № 2. С. 17–34). Ранее эта статья была опубликована на английском языке: *Chernokul'sky A., Kurgansky M., Mokhov I., Selezneva E., Zakharchenko D., Shikhov A., Azhigov I., Antonescu B., Kühne T.* Tornadoes in northern Eurasia: From the middle age to the information era // *Monthly Weather Review*. 2020. Vol. 148, № 8. P. 3081–3110.

⁵⁷ На это еще в 1951 г. указал Н. В. Шарлемань («Заметки натуралиста о “Слове о полку Игореве”» // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 8. С. 54–55), цитата из его статьи приведена в «Словаре-справочнике “Слова о полку Игореве”» (Л.: Наука, 1978. Вып. 5. С. 181).

⁵⁸ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Л.: Наука, 1969. Вып. 3: Корабль — Нынешний. С. 81–83.

не стрекотали / по лозе ползали только». Но сороки не ползают! По земле они перемещаются в основном скачками и по веткам деревьев также передвигаются прыжками.

Повествуя о полоцких князьях, автор «Слова» вспоминает битву, в которой погиб Изяслав Василькович; в этом фрагменте автор использует выражение, которое в Первом издании передано так: «...а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскими мечи. И схоти ю на кровать, и рекъ: “дружину твою, княже, птиць крылы приодѣ, а звѣри кровь полизаша”». Словосочетание «и схоти ю на кровать и рекъ» А. Н. Ужанков передает в древнерусском тексте так: «исхоти юна кров(ь), а тьи рекъ», переводя следующим образом: «истекла юная кровь, а ему рекут». Но слово «исхоти» нельзя перевести как «истекла», а «тьи» как «ему». В примечании А. Н. Ужанков поясняет, что им использованы прочтения, предложенные Н. И. Маньковским («Исходить юна кровь...»), М. В. Щепкиной («исхйти юна кровь, а тѣи рек(л) бы»), Л. А. Булаховским, Н. К. Грунским («исходи юна кров(ь) и тѣи рекъ»).⁵⁹ О. В. Творогов, публикуя «Слово» в серии «Библиотека литературы Древней Руси», древнерусский текст в данном случае передает так: «исхйти юна кров, а тьи рекъ», но оставляет эту фразу без перевода, поскольку «смысл текста остается неясным».⁶⁰

Неясным и даже бессмысленным делают этот фрагмент «Слова» предложенные некоторыми исследователями конъектуры. Как отметили А. П. Комлев и К. К. Белокуров, при чтении «исхйти юна кровь», следующем после упоминания кровавой травы, «возникает кровь на крови, при этом подразделяемая на “травяную” и “юную”».⁶¹ Между тем существует другое прочтение этого выражения, предложенное еще М. А. Максимовичем⁶² и поддержанное А. А. Потебней,⁶³ которое пред-

⁵⁹ Приведенные А. Н. Ужанковым прочтения этого спорного места указаны в «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”» (СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 3. С. 106).

⁶⁰ Слово о полку Игореве / Подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 4. С. 262–265, 633.

⁶¹ Комлев А. П., Белокуров К. К. «Слово о полку Игореве»: Заметки об исторических временах и лирических пространствах // Слово о полку Игореве: Древнерусский текст и переложения. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1985. С. 177.

⁶² Максимович М. А. Песнь о полку Игореве // Максимович М. А. Собрание сочинений: В 3 т. Киев: Тип. аренд. Е. Т. Керер, 1880. Т. 3. С. 526–527.

⁶³ Потебня А. С. Слово о полку Игореве: Текст и примечания. 2-е изд. Харьков, 1914. С. 117.

ставляется мне единственно возможным: «И с хотию на кровати, рекъ», т. е. «и с невестой-смертью на ложе (кровавой траве) сказал». ⁶⁴ В этом случае исправление текста Первого издания минимально: вместо «на кровать и» — «на кровати», т. е. опускается ъ, внесенный, вероятно, первыми издателями при осмыслении непонятной им фразы. Эта поправка делает текст абсолютным ясным. М. А. Максимович отметил, что автор использовал здесь распространенный мотив — изображение смертного ложа как брачного; метафора «смерть-свадьба» идет от языческих представлений о смерти как о браке с божеством смерти, а позднее — просто со смертью. В качестве невесты в этом мотиве выступают также земля, гробовая доска и т. п. Примеры использования этого мотива в народной поэзии и литературном творчестве писателей см. в статье М. А. Максимовича ⁶⁵ и в книге В. И. Ереминой «Ритуал и фольклор». ⁶⁶

Итак, уподобление смерти свадьбе, смерти в битве брачному пиру — широко распространенный мотив: Изяслав со смертью-невестой (хотю) на смертном ложе (на кровавой траве под червлеными щитами) сказал..., т. е. «сказал, умирая». Выражение «с хотию на кровати» в значении «умирая» — это образное выражение, подобное выражению «на санях сидя» (то есть перед смертью), употребленное в Поучении Владимира Мономаха. Все эти материалы были приведены в моей статье 2002 г., ⁶⁷ но и она осталась неизвестной автору рецензируемой книги.

⁶⁴ Собственно, так и перевел рассматриваемую фразу «Слова» Иван Никитин: «И со смертью лежа, / Слово с возлюбленной, / Так говорил: ...» (Слово о полку Игореве. Л.: Советский писатель, 1967. С. 239).

⁶⁵ М. А. Максимович приводит в качестве примера использование этого мотива в украинской, русской и греческой песнях. В украинской народной песне «Ой, конь біжить, трава шумить» умирающий казак посылает прощальный поклон матери через своего коня и поручает не говорить, что он умер, а сказать так: «Ты скажи, коню, що я оженився, / Да поняв себе паняночку / — В чистом поле земляночку». В русской народной песне «Уж как пал туман на сине море» русский воин также просит коня своего: «Ты скажи моей молодой жене, / Что женился я на другой жене — / На другой жене, мать-сырой земле». М. Максимович указывает также на греческую песню «Последнее прощание Клефта», где умирающий герой обращается к другу: «Не сказывай, друг, что погиб я, что умер я, бедный; / Одно им скажи, что женился я в грустной чужбине, / Что стала несчастною черна земля мне женой, / И тещею — камень, а братьями — острые кремни». См.: Максимович М. А. Песнь о полку Игореве. С. 526—527.

⁶⁶ Еремина В. И. Ритуал и фольклор. Л.: Наука, 1991. С. 173—186. Валерия Игоревна напоминает, среди прочего, об использовании этого мотива в «Ромео и Джульетте» Шекспира: «В ночь перед свадьбой / Легла в постель с твоей невестой смерть».

⁶⁷ Соколова Л. В. Первое издание «Слова о полку Игореве» и современное прочтение текста // Русская литература. 2002. № 4. С. 3—12.

Эти примеры непонимания А. Н. Ужанковым текста, которому он посвятил не одну книгу и несколько статей, можно множить. Так же, как можно было бы критически рассмотреть и другие высказанные в книге соображения по поводу «Слова о полку Игореве», но — *sapienti sat*.

В представлении издателем книги А. Н. Ужанкова, названном «Откровение. От издателя», Вацлав Михальский характеризует ее как «книгу, которая буквально переворачивает всё это канонизированное о “Слове о полку Игореве”» (в «Энциклопедии “Слова”». — Л. С.) и ставит это *всё* с головы на ноги. Да, да я ничего не преувеличиваю, но и ничего не преуменьшаю: именно с головы на ноги. <...> Совсем не зря мы печатаем ее в нашей программе “Достояние России”» (с. 10) (сохранена пунктуация и орфография источника; курсив авторский). Но если издателя книги можно понять, то хвалебная рецензия на книгу А. Н. Ужанкова, написанная доцентом Санкт-Петербургского института истории СПбГУ, доктором исторических наук и кандидатом филологических наук, кандидатом богословия, удивляет. По словам В. В. Василика, «в *прорывной* монографии А. Н. Ужанкова *системно и логично* доказывается, что творцом “Слова о полку Игореве” являлся Моисей Киянин...». По мнению рецензента, «в целом построения автора монографии выглядят обоснованными, логичными и *являются новым словом в славистике вообще* и изучении “Слова о полку Игореве” в частности»⁶⁸ (курсив мой. — Л. С.).

Во вступлении к книге А. Н. Ужанков высказывает странное суждение: «Как ни парадоксально, но никто не заинтересован в открытии автора “Слова о полку Игореве”: ни исследователи, ни его почитатели. <...> Конкретный же исследователь или почитатель “Слова” не заинтересован, чтобы кто-то другой, а не он сам, назвал это сокровенное имя». Поэтому, по мнению Ужанкова, заявление о том, что автор «Слова» найден, «вызовет критику практически всех, кто занимается этой проблемой. И сила критического огня будет прямо пропорциональна доказательной базе выдвигаемой гипотезы. Чем доказательней база выдвинутого предположения, тем интенсивнее будут подвергать ее атакам и сомнениям, причем, особо не утруждая себя контраргументами, ограничиваясь заявлениями: “Мне кажется, что высказанное предположение недостаточно аргументировано” и т. п., и т. д.» (с. 11–12). Эта попытка автора книги заранее объявить все будущие критические замечания в ее адрес необъективными, продиктованными якобы нездоровым духом состязательности, заранее дискредитировать своих оппонентов побуди-

⁶⁸ Василик В. В. «Слово о полку Игореве» и его автор: эпифаническая связь событий: (Размышления над книгой А. Н. Ужанкова «Слово о полку Игореве и его автор») // Русин. 2021. № 66. С. 283–306.

ла меня более подробно, чем, вероятно, следовало бы, проанализировать исследование А. Н. Ужанкова.

Р. S. Только что вышла третья книга А. Н. Ужанкова по «Слову о полку Игореве», которую мне пока не удалось прочесть, но, судя по аннотации, в ней дублируются материалы монографий 2015 г. и 2020 г.⁶⁹ Хочется надеяться, что в новой книге, изданной при поддержке гранта РФФИ (что подразумевает положительные рецензии авторитетных экспертов), автор избежал ошибок, допущенных в двух предыдущих изданиях.

---

⁶⁹ Ужанков А. Н. Слово о полку Игореве: историко-филологическое исследование. М.: Издательский дом «Языки славянской культуры», 2022 (Серия «Studia philologica»). 744 с. В аннотации этого новейшего издания сообщается следующее: «Основная задача книги видится в возвращении выдающегося произведения древнерусской словесности — “Слова о полку Игореве” — в его родной и естественный культурно-исторический контекст XII века; в изучении авторских взглядов в рамках мировоззрения XI—XV вв.; рассмотрении его художественной поэтики в сопоставлении с другими произведениями Древней Руси. В книге представлен древнерусский текст и новая редакция перевода А. Н. Ужанкова “Слова о полку Игореве”. Публикацию древнерусского шедевра предваряет научное исследование, в котором выявляется время и место написания “Слова”, устанавливается автор — игумен Моисей Выдубицкий» (после слова *автор* вместо тире стоит, вероятно по недосмотру, дефис). См.: https://knigaplus.ru/katalog/books/obwestvennye_gymanitarny/literaturovedenie/slovo_o_polku_igoreve_istoriko-filologicheskoe_issledovanie_76638/ (дата обращения — 21.06.2022).